This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

891.78
P99 fenl
V97
1888a

B 861,593

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Gaylord
SPEEDY BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

M,U - No Cadek

° Voskresenskii, E,

8993

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1962

Voskresenskii, E. "Poltava," A.S. Pushkina (Opyt razbora poemy). Moscow, 1888.

Voskresenskiĭ, Evgeniĭ Ivanovich
U 297/351
141/319
162/739

„ПОЛТАВА“

А. С. ПУШКИНА.

(ОПЫТЪ РАЗБОРА ПОЭМЫ)

U.C. 5763

Составилъ Е. ВОСКРЕСЕНСКІЙ.

ПОГАШЕН

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

N 9695

1888
Тип. А. А. Левенсонъ, Петровка, Рахмановскій пер., соб. домъ.
МОСКВА.

61-302030

891.78
P99pnl0
V97
1888a

БИБЛИОТЕКА
имени
В.И. ЛЕНИНА

9732-45

*
* *

Между поэмами Пушкина „Полтава“ занимаетъ первое мѣсто по достоинствамъ какъ своей формы, такъ и содержанія. Поэтому внимательный разборъ и изученіе этого произведенія должны имѣть бо́льшое значеніе и при изученіи теоріи эпоса и въ курсѣ новой русской литературы, хотя разборъ „Полтавы“ какъ образца *исторической* поэмы, предлагаемый нѣкоторыми учебниками, намъ кажется отчасти натянутымъ. Слѣдовательно, цѣль предлагаемаго „Опыта“ таже самая, какой мы руководились и въ „Опытѣ“ разбора трагедіи Пушкина „Борисъ Годуновъ“, нашедшемъ себѣ, какъ учебное пособіе, весьма благосклонный пріемъ. Не выходя и въ разборѣ „Полтавы“ изъ рамокъ средней школы, мы и расчитываемъ на вниманіе къ нему преимущественно съ этой стороны, не предлагая въ немъ

ничего такого, чтобы не могло имѣть мѣста въ средней школѣ, и нерѣдко пользуясь готовыми данными, уже высказанными ранѣе въ формѣ болѣе изящной, чѣмъ наша.

Въ концѣ разбора мы сочли не лишнимъ предложить нѣсколько темъ и вопросовъ для самостоятельнаго изученія какъ „Полтавы“ и другихъ поэмъ Пушкина, такъ и вообще поэтическихъ произведеній.

---

*
* *

А. С. Пушкинъ освободилъ нашу литературу отъ подражательности, долго мѣшавшей ея свободному и естественному развитію въ тѣсной связи съ требованіями русской жизни, и вполнѣ заслуживаетъ имени основателя всей настоящей русской литературы, которая только съ него становится самостоятельной и національной. Въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ Пушкинъ далъ намъ высокіе образцы поэтическаго воспроизведенія *русской дѣйствительности*, находя въ ней богатый матеріалъ для созданія поэтическихъ образовъ. „Все „стало предметомъ его поэзіи, говоритъ Го„голь, и ничего въ особенности, исключитель„но: въ природѣ видимой отъ Кавказа и Крыма „до бѣдной деревушки съ балалайкой и тре„пакомъ; въ мірѣ природы человѣческой отъ „героическаго подвига и высокаго помысла до „малѣйшаго вздоха слабости“. На все онъ откликнулся, какъ звучное эхо, съ которымъ онъ себя сравниваетъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи. Въ его сочиненіяхъ съ замѣчательною объективностью и образностью отрази-

лась и русская природа, и русское, современное ему общество, какъ дворяне, такъ и крѣпостные крестьяне, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ своей средѣ, въ отношеніяхъ отцовъ къ дѣтямъ, мужчины и женщины *). Но чтобы вѣрно изображать *современную* ему русскую дѣйствительность, Пушкинъ долженъ былъ создать себѣ опредѣленное представленіе и о нашей прежней жизни, о нашей исторической старинѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Между его произведеніями мы находимъ цѣлый рядъ такихъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ историческое прошлое Россіи и знакомятъ насъ съ ея прошлою жизнью. Пушкинымъ написаны „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ", сказки, „Русалка", „Борисъ Годуновъ", романъ „Капитанская дочь". Но особенное вниманіе Пушкина, при знакомствѣ его съ русской исторіей, остановила на себѣ могучая и величественная личность, которой главнымъ образомъ и обязана своимъ существованіемъ Новая Россія — личность Преобразователя ея, Петра Вели-

*) См. книгу В. Острогорскаго „Очерки Пушкинской Руси". Спб. 1880.

каго. Къ произведеніямъ, характеризующимъ такъ или иначе личность и дѣятельность этого Государя, относятся: стихотвореніе „Въ надеждѣ славы и добра“, „Пиръ Петра Великаго“, романъ „Арапъ Петра Великаго“, поэмы „Мѣдный Всадникъ“ и „Полтава“. Кромѣ того извѣстно, что въ послѣднее время своей рано кончившейся жизни Пушкинъ сталъ собирать матеріалы для „Исторіи Петра I-го“.

Между произведеніями Пушкина, содержащими въ себѣ характеристику Петра, главное мѣсто по своему объему и достоинству должна занять поэма въ трехъ пѣсняхъ—„Полтава“, написанная Пушкинымъ въ октябрѣ 1828 г. „Чрезвычайно быстро писалось это творче„ское произведеніе, говоритъ г. Анненковъ. (Ма„теріалы для біогр. Пушк. 194), подъ дѣйстві„емъ постояннаго, неизмѣннаго вдохновенія“... „Какъ велико было напряженіе его поэтиче„скаго генія при созданіи „Полтавы“ можно „судить по цыфрамъ, выставленнымъ въ концѣ „каждой изъ пѣсенъ ея и сохранившимся на „клочкахъ черновой рукописи. Такъ, мы ви„димъ, что первая пѣснь кончена 3-го октября,

„вторая — 9-го, третья — 16-го. Поэма явилась въ 1829 г., продолжаетъ г. Анненковъ, „и мы скажемъ правду, если скажемъ, что за „ней послѣдовало всеобщее недоумѣніе: почти „никто не узналъ Пушкина! Блестящій, огненный стихъ его, который такъ справедливо „сравнивали съ красавицей, уступилъ мѣсто „сжатому и многовѣсному стиху, поражавшему „своей опредѣленностью. Трудно было осмотрѣться и проникнуться величіемъ этихъ стиховъ послѣ сладкихъ и задушевныхъ строфъ „„Бахчисарайскаго Фонтана“ и „Цыганъ“. Какъ „барельефъ великолѣпнаго памятника создана „была вся историческая часть поэмы и непривычному взгляду трудно было обнять его содержаніе, насладиться его спокойствіемъ, его „художническимъ распредѣленіемъ частей, особливо, если еще вспомнимъ, что въ большинствѣ публики съ названіемъ „поэма“ связывалось понятіе о страсти, движеніи, живописи сердца. Складъ поэтической рѣчи, употребленный для описанія и связи историческихъ явленій, былъ тоже непонятнымъ явленіемъ. Сильно окрашенный эпическимъ „тономъ народнаго разсказа, онъ былъ новъ

„не только для массы читателей, но и для „критиковъ“. Съ „Полтавой“, слѣдовательно, повторилась таже исторія, по выходѣ ея въ свѣтъ, что и съ „Борисомъ Годуновымъ“ и другими зрѣлыми и оригинальными произведеніями Пушкина: ни публика, ни критика не поняли поэта: онъ чѣмъ болѣе развивался, тѣмъ болѣе переросталъ своихъ читателей и благодаря этому вмѣсто восторга и удивленія, съ которыми читаются его произведенія теперь, они при первомъ появленіи своемъ вызывали недоумѣніе, порицаніе и даже оскорбительныя по рѣзкости тона отзывы и рецензіи. Но „будучи русскимъ писателемъ“, говоритъ самъ Пушкинъ, „я всегда читалъ съ особеннымъ „вниманіемъ критики, коимъ подавалъ поводъ“... Плодомъ такого чтенія остались послѣ Пушкина тѣ замѣтки, которыя въ посмертномъ изданіи его сочиненій напечатаны подъ названіемъ „отрывки изъ записокъ Пушкина“ и которыя не рѣдко даютъ намъ весьма цѣнныя указанія на то, какъ самъ Пушкинъ смотрѣлъ на то или другое свое произведеніе. Относительно „Полтавы“ въ этихъ запискахъ Пушкинъ говоритъ слѣдующее: „Habent sua fata

„libelli. „Полтава“ не имѣла успѣха. Вѣроятно, она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ; къ тому же это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся. Наши критики взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду никто не видывалъ, чтобы женщина влюбилась въ старика и что, слѣдственно, любовь Маріи къ старому Гетману NB исторически доказанная, не могла существовать.

«Ну, что-жь что ты Ченстонъ? Хоть знаю, да не вѣрю!

„Я не могъ довольствоваться такимъ объясненіемъ: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ. Вспомните преданія миѳологическія, превращенія Овидіевы... А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?... Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовью: велика честь для дочери генеральнаго судьи

„быть наложницей гетмана! Далѣе говорили „мнѣ, что мой Мазепа *злой* и *глупый*... Что „изобразилъ я Мазепу *злымъ*, въ томъ я ка„юсь. Добрымъ я его не нахожу; особливо „въ ту минуту, когда онъ хлопочетъ о казни „отца дѣвушки, имъ обольщенной. *Глупость* „же человѣка оказывается или изъ его словъ, „или изъ его дѣйствій. Мазепа дѣйствуетъ въ „моей поэмѣ точь въ точь, какъ и въ исторіи, „а рѣчи его объясняютъ его историческій ха„рактеръ. Замѣтили мнѣ, что Мазепа слиш„комъ у меня злопамятенъ; что малороссійскій „гетманъ не студентъ и за пощечину или за „дерганье усовъ мстить не захочетъ. Опять „исторія, опроверженная литературной крити„кой, опять: *Хоть знаю, да не вѣрю*. Мазепа, „воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ „понятія о дворянской чести были на высшей „степени силы, Мазепа могъ помнить долго „обиду московскаго царя и отомстить ему при „случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, „скрытый, жестокій, постоянный. Дернуть ляха „или казака за усы, все равно было, что рос„сіянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ оби„ды, претерпѣнныя имъ, помнится, отъ Чап-

„лицкаго (Чернецкаго) получилъ въ возмездіе, „по приговору Рѣчи Посполитой,—остриженный усъ своего непріятеля (См. Лѣтоп. Конисскаго). Старый гетманъ, предвидя неудачу, бранитъ въ моей поэмѣ молодого Карла „и называетъ его мальчишкой и сумасбродомъ. „Критики важно укоряли *меня* въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня „сказано, что Мазепа ни къ кому не былъ „привязанъ; критики ссылались на *собственныя „слова* гетмана, увѣряющаго Марію, что любитъ ее „больше славы, больше власти". „Какъ отвѣчать на таковыя критики?... Замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, „вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобы „не напомнить о Байронѣ. Справедливо — но „тутъ была и другая причина: эпиграфъ... „Кстати... критики упомянули о Байроновомъ „Мазепѣ. Но какъ они понимали его (или, „справедливѣе, какъ не понимали)! Байронъ „зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи „Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, „конечно, поэтическая, и за то посмотрите,

„что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ „ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, „ненавистнаго, мучительнаго лица, которое „проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ „Байрона, но котораго, на бѣду одному изъ „моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ „Мазепѣ“ „именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: „онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой „разительнѣе — вотъ и все; но какое пламен- „ное созданіе, какая широкая быстрая кисть! „Еслижъ бы подъ перо его попалась исторія „обольщенной дочери и казненнаго отца, то, „вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него „коснуться сего ужаснаго предмета. Прочи- „тавъ въ первый разъ стихи:

«Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь. . (въ разсказѣ «Войнаровскій»).

„я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо „столь страшнаго обстоятельства. Обременять „вымышленными ужасами историческіе харак- „теры—и не мудрено, и не великодушно. Но „въ описаніи Мазепы пропустить столь рази- „тельную черту было непростительно. Одна- „кожъ какой отвратительный предметъ! Ни

„одного добраго благосклоннаго чувства! Ни „одной утѣшительной черты! Соблазнъ, враж„да, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость .. „Сильные характеры и глубокая трагическая „тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ „что увлекло меня. „Полтаву“ написалъ я въ „нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею зани„маться и бросилъ бы все“.

Изъ этихъ замѣтокъ мы видимъ, что на созданіе „Полтавы“ вліялъ отчасти Байронъ, писатель, которому Пушкинъ обязанъ весьма многими своими произведеніями и котораго онъ называлъ властителемъ душъ современнаго ему поколѣнія. Но, конечно, на „Полтавѣ“ это вліяніе сказалось въ самой незначительной степени, и Пушкинъ вполнѣ правъ, называя это сочиненіе „совсѣмъ оригинальнымъ“. Въ періодъ созданья „Полтавы“ Пушкинъ уже освободился отъ подражательности Байрону, и на его произведеніяхъ стало отражаться ревностное изученіе Шекспира, указаніе на трагедію котораго есть въ вышеприведенныхъ замѣткахъ, и руководясь которымъ Пушкинъ, быть можетъ, написалъ слѣдующіе стихи въ „Полтавѣ“:

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Приходитъ и проходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное;
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.
И далѣе:
Не только первый пухъ ланитъ,
Да русы кудри молодыя,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.
(Полтава, I).

Что касается Байрона, то, дѣйствительно въ поэмѣ „Полтава“ еще болѣе, чѣмъ личность Петра, останавливаетъ вниманіе наше личность Мазепы, интересовавшаго Пушкина еще во время пребыванія его въ Бессарабіи и обрисованнаго по-преимуществу отрицательными чертами, „мрачными и ненавистными“; причемъ поэма Байрона по отношенію къ „Пол-

тавѣ“ является только, такъ сказать, эпизодомъ изъ жизни Мазепы и *началомъ* своимъ примыкаетъ почти непосредственно къ *концу* поэмы Пушкина.

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба,

говоритъ Пушкинъ.

Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головой,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ;
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.
.....Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ
Огонь казачій пламенѣлъ;
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у брега Днѣпра
Коней разсѣдланныхъ поили.
Проснулся Карлъ. «Ого! Пора!
«Вставай, Мазепа! Разсвѣтаетъ».
Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
Тоска, тоска его снѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдлаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ королемъ.

И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

(Полтава, III).

Утихъ полтавскій страшный бой,

начинаетъ свою поэму Байронъ (Соч. лорда Байрона въ перев. рус. поэтовъ, т. I, 93).

Фортуна Карла не спасла;
Въ конецъ измучена борьбою,
На мѣстѣ рать его легла.
Покрылъ вѣнецъ воинской славы —
Людей измѣнчивый кумиръ —
Защитниковъ другой державы,
И далъ стѣнамъ московскимъ миръ,
До той всѣмъ памятной годины,
До тѣхъ ужасныхъ мрачныхъ дней,
Когда сильнѣйшія дружины
И имя громче и славнѣй,
Обрекши бурному крушенью,
Судьба позору предала,
И міръ, въ глубокомъ ихъ паденьи,
Однимъ ударомъ потрясла.
Такъ жребій роли измѣнилъ:
Онъ бѣгству Карла научилъ.
И день и ночь среди полей,
Обрызганъ кровію своей
И многихъ тысячъ, онъ бѣжалъ.

Это начало поэмы Байрона, очевидно, внушило Пушкину также слѣдующіе стихи въ „Полтавѣ“:

Онъ (Карлъ) шелъ на древнюю
Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ
оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.
(Полтава, I).

„Полтавѣ“ Пушкинъ предпосылаетъ слѣдующее предисловіе:

„Полтавская битва есть одно изъ самыхъ „важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій „царствованія Петра Великаго. Она избавила „его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила рус„ское владычество на югѣ, обезпечила новыя „завоеванія на сѣверѣ и доказала государству „успѣхъ и необходимость преобразованія, со„вершаемаго царемъ. Ошибка шведскаго ко„роля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ „неосторожности, находятъ его походъ въ

„Украйну безразсуднымъ. На критиковъ не „угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ одна- „ко же этимъ походомъ избѣгнулъ славной „ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. „И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, „всегда безпокойная, не будетъ увлечена при- „мѣромъ своего гетмана и не возмутится про- „тивъ недавняго владычества Петра, что Ле- „венгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что „наконецъ 25.000 шведовъ, предводительствуе- „мыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ „нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго ко- „лебался, избѣгая главнаго сраженія, *яко зѣло „опаснаго дѣла*. Въ семъ походѣ Карлъ XII „менѣе, нежели когда-нибудь, ввѣрялся свое- „му счастію: оно уступило генію Петра. Мазе- „па есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ „лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли „сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богда- „на Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его „честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ порокахъ и „злодѣяніяхъ, клеветникомъ Самойловича — сво- „его благодѣтеля, губителемъ отца несчастной „своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ „его побѣдой, предателемъ Карла послѣ его

„пораженія: память его, преданная церковью „анаѳемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятія „человѣчества. Нѣкто въ романтической по„вѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, „блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, „изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные „во французской мелодрамѣ, и проч. Лучше „было бы развить и разъяснить настоящій „характеръ мятежнаго гетмана, не искажая „своевольно историческаго лица“.

„Полтава“ состоитъ изъ трехъ пѣсней и эпилога, имѣющаго большое значеніе для выясненія идеи піесы. Постараемся кратко указать главные предметы ея содержанія.

Пѣснь первая.

а) Описаніе богатства Кочубея—генеральнаго судьи малороссійскаго. Характеристика его дочери Маріи (по исторіи Матрены). Сватовство къ Маріи ея крестнаго отца--гетмана Мазепы. Отказъ со стороны родителей. Бѣгство Маріи къ Мазепѣ. Замыселъ Кочубея отомстить Мазепѣ.

б) Характеристика политическаго состоянія

Россіи при Петрѣ. Характеристика прежнихъ отношеній Мазепы къ Кочубею. Доносъ на Мазепу Петру отъ Кочубея. Мятежная дѣятельность Мазепы. Слѣдствія доноса. Обращеніе поэта къ Маріи и характеристика ея положенія въ домѣ Мазепы.

Пѣснь вторая.

а) Бесѣда Мазепы съ Маріей съ цѣлью вывѣдать, кто ей дороже: онъ или отецъ. Описаніе украинской ночи. Характеристика душевнаго состоянія Кочубея въ темницѣ. Допросъ Кочубея. Описаніе украинской ночи и характеристика душевнаго состоянія Мазепы. Описаніе утра. Бесѣда Маріи и ея матери. Казнь Искры и Кочубея. Бѣгство Маріи изъ дома Мазепы.

Пѣснь третья.

а) Притворная болѣзнь Мазепы. Открытое его возстаніе противъ Петра. Отношеніе Петра къ Мазепѣ и къ семействамъ казненныхъ Искры и Кочубея. Полтавскій бой. (Бесѣда Мазепы съ Орликомъ, описаніе боя, бѣгство Мазепы и Карла).

б) Встрѣча Мазепы съ безумной Маріей.

(а+б) Эпилогъ, заключающій въ себѣ отвѣтъ на вопросъ: Что чрезъ сто лѣтъ осталось отъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ? Уже изъ этого краткаго обзора содержанія поэмы видно, что интересъ ея какъ-бы двоится: съ одной стороны *а)* предъ читателемъ развивается драматическая исторія любви Маріи, съ другой *б)* вниманіе привлекаетъ эпически спокойное движеніе исторической части поэмы, могучая личность Петра въ ея различныхъ отношеніяхъ. О подобной двойственности плана замѣчено было еще въ 1831 г. (Альманахъ „Денница"). Всю исторію любви Маріи критикъ считалъ отдѣльной поэмой, которая только вредитъ впечатлѣнію, оставляемому настоящей исторической поэмой. „Къ этому надо „прибавить, говоритъ г. Анненковъ, что въ подобныхъ случаяхъ недостатокъ чувствуется „тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ярче и превосходнѣе „краски эпизода, поднятаго на высоту, ему „несвойственную". На это слѣдуетъ прежде всего сказать, что первую мысль о поэмѣ далъ Пушкину, по его собственному сознанію, разсказъ Рылѣева „Войнаровскій", гдѣ вниманіе Пушкина остановили на себѣ стихи:

То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ (Мазепа) часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь .. (См. выше).

Слѣдовательно, отношенія между Мазепой, Маріей, ея отцемъ и матерью, по мысли Пушкина, и должны были составить главное содержаніе поэмы; но, коснувшись личности Мазепы, который „дѣйствуетъ въ поэмѣ точь въ „точь, какъ и въ исторіи“, Пушкинъ невольно долженъ былъ расширить рамки своей бытовой картины и, изобразивъ отношенія Кочубея къ Мазепѣ, долженъ былъ коснуться и отношеній того и другого къ Петру и Карлу, что, въ свою очередь, позволило ему обрисовать и этихъ историческихъ дѣятелей того времени; слѣдовательно, если признать за правильныя подобныя разсужденія, не любовь Маріи въ поэмѣ составляетъ эпизодъ, а скорѣе вся, собственно историческая, ея часть... И не увлекись Пушкинъ „страннымъ обстоятельствомъ“, какъ онъ называетъ отношенія Маріи къ Мазепѣ, весьма вѣроятно, что мы не имѣли бы тѣхъ великолѣпныхъ характеристикъ Петра и состоянія Россіи въ то время, того гранді-

ознаго описанія Полтавскаго боя, съ которыми мы знакомимся въ „Полтавѣ“. Самъ Пушкинъ кромѣ того сознается, что онъ не назвалъ поэмы „Мазепой“ главнымъ образомъ потому, что не желалъ напомнить о Байронѣ. Поэтому намъ кажется нѣсколько натянутымъ объясне-„ніе Бѣлинскаго, что „Пушкинъ хотѣлъ, во „что-бы то ни стало, воспользоваться случа-„емъ къ созданію чего-то въ родѣ эпической „поэмы“ и не совсѣмъ понятнымъ, почему Пушкинъ, „если бы онъ главною мыслію имѣлъ „любовь Мазепы, онъ долженъ бы Полтавскую „битву ввести въ свою поэму, какъ эпизодъ, „*важный только по его отношенію къ лицу Ма-„зепы, оставивъ въ тѣни колоссальный образъ „Петра* и упомянувъ развѣ только о смерти „казака, влюбленнаго въ Марію, который „ѣздилъ съ доносомъ Кочубея къ Петру, а въ „Полтавской битвѣ безумно бросился на Ма-„зепу и, на смерть пораженный Войнаровскимъ, „умеръ съ именемъ Маріи на устахъ“. (Бѣлинск. VIII, 485). Въ „Полтавѣ“ завязка основана на любви, все равно, какъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“, „Цыганахъ“; старикъ, страстно влюбленный въ

молодую дѣвушку, въ свою очередь, любящую его—вотъ тема, развитая поэтомъ, вполнѣ показавшимъ возможность и естественность подобнаго явленія; это явленіе поэтъ пріурочилъ къ историческимъ лицамъ, дѣйствительно предлагающимъ его въ своей жизни, какъ историческій фактъ; почему же поэтъ долженъ былъ „оставить въ тѣни колоссальный образъ Петра“, по самой своей колоссальности не позволяющій этого, тѣмъ болѣе, что судьба всѣхъ остальныхъ лицъ вполнѣ зависѣла отъ него? Какъ оставить въ тѣни личность Петра, которому послалъ доносъ Кочубей, которому мстилъ Мазепа и воля котораго такъ грозно отозвалась и на Кочубеѣ, и на Мазепѣ, и на Маріи? И если никого не удивляетъ, почему, напр., въ „Капитанской дочкѣ“ поэтъ довольно подробно рисуетъ и состояніе восточной Россіи въ XVIII вѣкѣ и довольно отчетливо характеризуетъ нѣкоторыя историческія лица того времени и событія (Екатерину, Пугачева, осаду Оренбурга и пр.), то на какомъ же основаніи слѣдуетъ считать за недостатокъ подобное обстоятельство въ „Полтавѣ“—стихотворной исторической повѣсти, названной поэмой почти съ та-

кимъ же правомъ, съ какимъ названы „Кавказскій плѣнникъ“, „Цыгане“ и другія подобныя произведенія, представляющія жизнь въ идеализированныхъ отчасти образахъ? Если всмотрѣться немного въ содержаніе „Полтавы“, не найдемъ ли основаній признать за ней ту объективность, какая поражаетъ и восхищаетъ насъ въ несравненно обширнѣйшемъ произведеніи гр. Л. Толстаго — „Война и миръ“, съ которымъ г. Страховъ такъ удачно сравниваетъ другое произведеніе Пушкина—„Капитанскую дочь“? (*Н. Страховъ*. Критическія статьи о И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. Спб. 1875 г., стр. 278). „Ничего не можетъ быть проще „множества событій, описанныхъ въ „Войнѣ „и Мирѣ“. Всѣ случаи обыкновенной семейной „жизни, разговоры между братомъ и сестрой, „между матерью и дочерью, разлука и свида„ніе родныхъ, охота, святки, мазурка, игра „въ карты и пр. — все это съ такою же лю„бовью возведено въ перлъ созданія, какъ и „Бородинская битва. Простые предметы зани„маютъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ также много мѣста „какъ, напр., въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ безсмер„тныя описанія жизни Лариныхъ, зимы, весны,

„поѣздки въ Москву и т. п. Правда, рядомъ „съ этимъ гр. Л. Н. Толстой выводитъ на „сцену великія событія и лица огромнаго исто„рическаго значенія. Но никакъ нельзя ска„зать, чтобы именно этимъ былъ возбужденъ „общій интересъ читателей". (Страховъ, 235 стр.). Ту же черту, хотя, конечно, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, мы можемъ указать и въ изложеніи „Полтавы". Изобразивъ съ чисто Шекспировскимъ знаніемъ природы человѣческой возникновеніе и развитіе любви Маріи къ Мазепѣ, съ изумительнымъ богатствомъ и роскошью красокъ, „Пушкинъ, какъ поэтъ — „говоритъ Бѣлинскій — вознесся на высоту, до„ступную только художникамъ первой величи„ны". Но введя по необходимости въ свою повѣсть историческій элементъ, Пушкинъ, какъ *поэтъ*, и историческую часть повѣсти постарался „возвести въ перлъ созданія" и далъ намъ рядъ чудныхъ картинъ, поражающихъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, быстрымъ ходомъ вдохновенія, подымающимъ волосы на головѣ...

Обратимся къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыхъ изъ нихъ Пушкинъ нѣсколько идеализировалъ сравнительно съ дѣйствительностью, другихъ изобразилъ безъ всякой идеализаціи: такъ, Кочубей изображенъ энергичнымъ, бодрымъ духомъ въ несчастьяхъ, набожнымъ человѣкомъ; но онъ не считаетъ нужнымъ открыть Петру заговоръ Мазепы до тѣхъ поръ, пока Мазепа лично не оскорбилъ его и этимъ не возбудилъ въ немъ „горькую злобу“ и жажду мести, которую однако онъ скрываетъ подъ видомъ „ревности къ общему добру“... Мазепа, въ свою очередь, вообще изображенный отталкивающими чертами, возбуждаетъ междоусобную войну и вовлекаетъ Малороссію во всѣ ужасы народнаго возстанія тоже изъ-за личной обиды, еще подъ Азовымъ полученной отъ Петра; и Пушкинъ считаетъ ложной идеализаціей представлять его, какъ „героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго“, хотя, надо сказать, по исторіи дѣло Мазепы представляется нѣсколько глубже и понятнѣе. Мазепу сильно огорчало то обстоятельство, что Петръ всегда гораздо внимательнѣе

нѣе относился къ Меньшикову, чѣмъ къ нему, и даже разъ его подчинилъ командѣ Меньшикова. Затѣмъ пронесся слухъ, что Меньшиковъ назначается гетманомъ Малороссіи. Все это сильно оскорбляло гордаго Мазепу и, конечно, способствовало его рѣшенію отложиться отъ Петра, когда при началѣ войны съ Карломъ были объявлены тяжелые поборы съ украинскихъ казаковъ, и когда всеобщій ропотъ недовольства потребовалъ отъ Мазепы защиты. Только Петръ и Марія поставлены въ поэмѣ на идеальной высотѣ, и только предъ Петромъ поэтъ преклонился въ эпилогѣ „Полтавы“, что и естественно, если принимать во вниманіе вообще благоговѣйное отношеніе Пушкина къ личности Преобразователя и сопоставить характеристику Петра и характеристики остальныхъ дѣйствующихъ въ „Полтавѣ“ лицъ.

Благоговѣя предъ Петромъ, Пушкинъ бралъ его во всѣхъ своихъ произведеніяхъ по-преимуществу съ *идеальной* стороны, какъ борца за русскую землю, со всѣхъ сторонъ тѣснимую врагами, и какъ основателя центра русскаго

просвѣщенія — Петербурга. Съ такой *героической* стороны Петръ обрисованъ и въ „Полтавѣ“. „Образъ Петра повсюду величественъ и привлекателенъ. Художникъ мастерски идеализировалъ его и въ то же время умѣлъ сохранить при немъ отличительныя черты его характера: Царь грозенъ, прозорливъ, онъ если вѣритъ, то вполнѣ и безъ сомнѣній, въ бою за независимость и честь Россіи „онъ сіялъ. онъ прекрасенъ, онъ весь какъ Божія гроза“, Не менѣе прекрасенъ онъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ свѣтло торжествуетъ побѣду и поднимаетъ заздравный кубокъ за учителей своихъ въ военномъ дѣлѣ. Во всей поэмѣ онъ произноситъ только слова: „За дѣло, съ Богомъ!“ Но въ этомъ вдохновенномъ восклицаніи высказывается существенная оцѣнка всего предпріятія Петра, т. е. борьбы съ Карломъ. Это дѣло должно было рѣшить огромной важности вопросъ: „быть или не быть Россіи первой державой въ восточной Европѣ?“ „Когда Петръ убѣдился въ измѣнѣ Мазепы и, слѣдовательно, увидѣлъ свою невольную вину предъ Кочубеемъ и Искрой, онъ употребилъ всевозможныя средства для того, чтобы смягчить горе не-

счастныхъ семействъ и тѣмъ снять съ собственной души тяжелый гнетъ раскаянія.

Съ береговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ".
(П. Евстафьевъ. Н. Рус. литература. 162 стр.).

Съ такимъ же величественнымъ образомъ Петра мы знакомимся и по другимъ сочинен. Пушкина, рисующимъ личность этого государя *). Вездѣ Пушкинъ изображаетъ его, какъ человѣка *дѣла*, какъ правителя, всю свою жизнь посвятившаго общественной пользѣ, на благо своей страны, которой „онъ зналъ предназначеніе" и въ которой „самодержавною рукой онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье".

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
(Стих. «Стансы»).

*) См. Народное чтеніе Филонова „Петръ Великій по соч. А. С. Пушкина" Спб. 1880.

Въ поэмѣ „Мѣдный Всадникъ“ мы видимъ Петра въ то время, когда у него зародилась мысль построить городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется Петербургъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ.
..... И думалъ Онъ:
Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
И запируемъ на просторѣ.

Въ неоконченной повѣсти „Арапъ Петра Великаго“ мы знакомимся съ образомъ жизни Петра въ только-что возникнувшемъ „изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ“ „Петербургѣ городкѣ“. Дѣятельность Государя была разнообразна. Онъ вставалъ съ зарею, будилъ своего арапа и начиналъ свою кипучую дѣятельность: „Ибра-„гимъ видалъ Петра въ Сенатѣ, оспариваемаго „Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго

„важные запросы законодательства; въ Адми-„ралтейской Коллегіи, утверждающаго морское „величіе Россіи; въ часы отдохновенія видалъ „его съ Ѳеофаномъ (Прокоповичемъ), Гавріи-„ломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ, разсматри-„вающаго переводы иностранныхъ публицис-„товъ, или посѣщающаго фабрику купца, ра-„бочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Рос-„сія представлялась Ибрагиму огромной мастер-„ской, гдѣ каждый работникъ, подчиненный за-„веденному порядку, занятъ своимъ дѣломъ". Весьма привлекательною въ этомъ сочиненіи рисуется личность Петра и въ простой домашней обстановкѣ, въ домѣ боярина Гаврилы Аѳанасьевича.

Наконецъ, стихотвореніе „Пиръ Петра Великаго" знакомитъ насъ еще съ однимъ изъ благороднѣйшихъ качествъ великаго человѣка — его милосердіемъ къ виновному подданному. При подобномъ увлеченіи личностью Петра, весьма понятно, почему Пушкинъ, начавъ писать повѣсть о Мазепѣ, не могъ оставить въ тѣни „колоссальный образъ" Преобразователя, а, напротивъ, постарался освѣтить его такъ, что всѣ остальныя лица невольно ото-

шли въ тѣнь и по результатамъ своей дѣятельности должны были показаться ничтожными и самому Пушкину, когда онъ кончалъ поэму, и, конечно, такими кажутся читателямъ.

Прошло сто лѣтъ — и чтожъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

Спрашиваетъ поэтъ въ заключеніи своей поэмы — и отвѣчаетъ:

Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ Сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.

А почему? Потому — такъ слѣдуетъ отвѣтить по общему смыслу поэмы — что лишь Петръ умѣлъ направлять свои страсти къ общему благу, одинъ лишь онъ, не заботясь о личныхъ интересахъ, самоотверженно и неустанно служилъ интересамъ общественнымъ; отъ тѣхъ же, которые руководились въ своей дѣятельности только личными интересами (въ поэмѣ

Мазепа, Кочубей, Марія), остаются въ потомствѣ самые жалкіе слѣды. „При такой идеѣ, „замѣчаетъ г. Стоюнинъ (Пушкинъ, 326), „для поэта всѣ выставленныя въ поэмѣ лица „имѣли одинаковое значеніе, и каждымъ онъ „долженъ былъ заняться съ одинаковымъ вниманіемъ“.

Другая личность, изображенная въ „Полтавѣ“ съ большимъ искусствомъ—личность Маріи, постановка которой замѣчательна своимъ драматизмомъ. „Творческая кисть Пушкина нарисовала намъ не одинъ женскій портретъ — „слова Бѣлинскаго—но ничего лучше не создала она лица Маріи“, хотя слѣдуетъ замѣтить, что оно совершенно идеализировано сравнительно съ историческими данными. Пушкинъ перемѣнилъ даже ея имя — Матрены на Марію. Когда Матрена убѣжала къ Мазепѣ, онъ, боясь соблазна и толковъ, переслалъ ее въ родительскій домъ, гдѣ мать Матрены всячески ее истязала, вслѣдствіе чего дочь возненавидѣла своихъ родителей и клялась вѣчно „любыты и сердечне кохаты Мазепу на злость ея ворогамъ“. Мазепа любилъ ее, писалъ ей

страстныя письма, но всетаки не принялъ никакого твердаго рѣшенія—то умолялъ о свиданіяхъ, то совѣтовалъ итти въ монастырь. „Какъ-бы-то ни было, но основаніе, сущность „отношеній Мазепы и Маріи въ поэмѣ Пуш„кина историческія, и еще болѣе истинныя— „поэтически,—и Пушкинъ умѣлъ ими восполь„зоваться, какъ истинно-великій поэтъ.

Не только первый пухъ ланитъ
Да русы кудри молодыя,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

„Подобное явленіе рѣдко, но тѣмъ не менѣе „дѣйствительно“. „Бываютъ женскія натуры, „которыя, будучи исполнены страстей и энту„зіазма, до безумія увлекаются и нравствен„нымъ могуществомъ мущины, украшеннымъ „властію и славой—увлекаются имъ, безъ со„браженія неравенства лѣтъ. Для такой жен„щины, самыя сѣдины прекрасны, и чѣмъ кру„че нравъ старика, тѣмъ за большее счастье „и честь для себя считаетъ она вліяніемъ,

„своей красоты и любви укрощать его поры-
„вы, дѣлать его ровнѣе и мягче. Вотъ почему
„кроткая, робкая Дездемона такъ беззавѣтно
„отдалась старому воину, суровому Мавру—
„великому Отелло. Въ Маріи Пушкина это
„еще понятнѣе, ибо Марія, при всей непо-
„средственности и неразвитости ея сознанія,
„одарена характеромъ гордымъ, твердымъ, рѣ-
„шительнымъ. Она была бы достойна слить
„свою судьбу не съ такимъ злодѣемъ, какъ
„Мазепа, но съ героемъ въ истинномъ значе-
„ніи этого слова. Ошибка Маріи состояла въ
„томъ, что она въ душѣ, готовой на все злое
„для достиженія своихъ цѣлей, думала увидѣть
„душу великую, дерзость безнравственности
„приняла за могущество героизма. Эта ошиб-
„ка была ея несчастіемъ, но не виной. Марія,
„какъ женщина, велика въ этой ошибкѣ. На
„этомъ основаніи намъ понятна ея любовь“...
„Но въ такой великой натурѣ любовь можетъ
„быть только преобладающею страстью, ко-
„торая въ выборѣ не допускаетъ никакого
„совмѣстничества, даже никакого колебанія,
„но которая не заглушаетъ въ душѣ другихъ
„нравственныхъ привязанностей. И потому,

„блаженство любви не отнимаетъ въ сердцѣ „Маріи мѣста для грустнаго и тревожнаго „воспоминанія объ отцѣ и матери.

И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмеваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она сквозь слезы видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И, мнится, пенямъ ихъ внимаетъ...

„Но нигдѣ личность Маріи не возвышается, „въ поэмѣ Пушкина, до такой апоѳеозы, какъ „въ сценѣ ея объясненія съ Мазепой—сценѣ, „написанной истинно Шекспировской кистью. „Когда Мазепа, чтобы разсѣять ревнивыя по„дозрѣнія Маріи, принужденъ былъ открыть „ей свои дерзкіе замыслы, она все забываетъ: „нѣтъ больше сомнѣній, нѣтъ безпокойства; „мало того, что она вѣритъ ему, вѣритъ, что „онъ не обманываетъ ее: она вѣритъ, что онъ „не обманывается и въ своихъ надеждахъ... „Если женскому уму, воспитанному въ за„творничествѣ, обреченному на отчужденіе отъ

„дѣйствительной жизни, ей ли знать, какъ „опасны такія стремленія, и чѣмъ оканчиваются они! Она знаетъ одно, вѣритъ одному— „что онъ, ея возлюбленный, такъ *могущъ*, что „не можетъ не достичь всего, чего бы только „захотѣлъ,—и она восклицаетъ съ увѣренностью дитяти, сильнаго и разумнаго одною „любовью, но не знаніемъ жизни:

О, милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

„Вникните во всю эту сцену, разберите „въ ней всякую подробность, взвѣсьте каждое слово: какая глубина, какая истина и, „вмѣстѣ съ тѣмъ, какая простота! Этотъ отвѣтъ Маріи: „Я! люблю-ли?“ это желаніе „уклониться отъ отвѣта на вопросъ, уже рѣшенный ея сердцемъ, но все еще страшный „для нея: кто ей дороже: Мазепа или отецъ— „и потомъ рѣшительный отвѣтъ при видѣ гнѣва Мазепы... какъ все это драматически, и „сколько тутъ знанія женскаго сердца!“ (Бѣлинск. VIII, 504.) „Сцена между матерью

„Маріи и ея дочерью замѣчательно хороша „по роли, какую играетъ здѣсь Марія. Во„просъ изумленной, еще не очнувшейся отъ „сна женщины, которая почти понимаетъ, и „въ то же время страшится понять ужасный „смыслъ внезапнаго появленія матери, этотъ „вопросъ: „Какой отецъ? Какая казнь?“ равно „какъ и всѣ вопросительные и восклицатель„ные отвѣты,—исполненъ драматизма“ (495). Наконецъ, когда Марія сознаетъ весь ужасъ положенія семьи и степень своей виновности въ бѣдствіи — рѣшимость ея появляется въ другомъ направленіи. Она бросается къ мѣсту казни отца, чтобы спасти его. Но это ей не удается—и она сходитъ съ ума отъ всѣхъ, сложившихся такъ трагически, обстоятельствъ ея жизни. Сцена, гдѣ она, уже безумная, разговариваетъ съ бѣглецомъ Мазепой, полна трагическаго ужаса и превосходно заканчиваетъ портретъ Маріи.

Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ
поздно.
Ахъ вижу, голова моя
Полна волненія пустого:

Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга,
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.

Весьма драматично поставлены въ поэмѣ и личности Кочубея и Мазепы. Надо вообще замѣтить, что въ поэмахъ Пушкина драматическій элементъ весьма силенъ—и въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, и въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“, и въ „Цыганахъ“. „Полтава“ тоже обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ отношеніи. „Сильные характеры, и глубокая тра„гическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы— „вотъ что увлекло меня, говоритъ въ своихъ замѣткахъ относительно „Полтавы“ Пушкинъ. И дѣйствительно, если бы онъ посвятилъ ей побольше времени, быть можетъ, его повѣсть явилась предъ нами въ формѣ законченной трагедіи. Отношенія Маріи къ отцу и Мазепѣ, наконецъ отношенія Мазепы къ Маріи, Кочу-

бею, Петру—все это представляетъ такой богатый для драматическаго произведенія матеріалъ, какой довольно рѣдко предлагается исторіей. (См. мою книжку „Борисъ Годуновъ“—опытъ разбора трагедіи. Изд. 2. 1886 г. стр. 5, 27 и др.). Но Пушкинъ „не могъ долѣе нѣсколькихъ дней заниматься „Полтавой“, и поэтому мы имѣемъ только сильно драматизованную повѣсть, въ которой многое только намѣчено, сказано, а не *показано*... Въ личностяхъ Мазепы и Кочубея въ высшей степени драматическихъ слѣдуетъ признать ихъ враждебное столкновеніе: Кочубей въ темницѣ, его допросъ, душевное состояніе Мазепы въ это время—это такія положенія, которыя цѣликомъ могутъ быть помѣщены въ драму. Прежніе друзья — теперь враги — одинъ безсильный, въ цѣпяхъ и пыткѣ, другой—могучій гетманъ, но страшно мучимый совѣстью за свое дѣянье—за гибель отца своей возлюбленной—все это начертано—по выраженію Бѣлинскаго—кистью столь широкою, могучею и въ то же время спокойною и увѣренною, что читатель не знаетъ, чему дивиться: мрачности ли ужасной картины, или ея эстетической прелести. От-

вѣтъ Кочубея Орлику заслужилъ похвалу даже самыхъ ожесточенныхъ хулителей „Полтавы“ при появленіи ея въ печати.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой честь была:
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дро-
жалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ — святую месть:
Ее готовлюсь Богу снесть.

Не менѣе замѣчательны думы Кочубея наединѣ, думы Мазепы у ногъ спящей Маріи и — какъ контрастъ всей этой драмѣ — описаніе тихой украинской ночи... Страннымъ намъ кажется, поэтому, почему г. Анненковъ (см. выше стр. 8) какъ-бы отрицаетъ въ „Полтавѣ“ страсть, движеніе, живопись сердца?...

Личность Мазепы обрисована въ „Полтавѣ“ согласно съ задачей Пушкина — изобразить „жестокій, скрытный и постоянный ха-

рактеръ“ и, какъ мрачная эгоистическая фигура, совершенно противоположна привлекательному образцу Петра (См. записки Пушкина, предисловіе къ поэмѣ). Если сравнить Мазепу Пушкина и Мазепу Байрона, мы должны признать между этими двумя образами нѣкоторое, такъ сказать, фамильное сходство. Мазепа Байрона—суровый, много пережившій и испытавшій старикъ, умѣющій съ равнодушіемъ покориться самому суровому удару судьбы, но когда-то страстный, пылкій юноша, которому не всегда „было дано судьбой разсудка страсти покорять“, смѣлый и живой пажъ Яна Казиміра. Въ наказаніе за интригу съ женой одного польскаго графа онъ былъ привязанъ къ дикой лошади. Бѣшеный скакунъ занесъ его полумертваго въ Малороссію, гдѣ нашли его казаки и возвратили къ жизни. Объ этомъ приключеніи и разсказываетъ Мазепа на бивакѣ Карлу XII во время ихъ бѣгства въ Турцію послѣ Полтавскаго боя.

... въ часъ страданья и печали,

замѣчаетъ во время своего разсказа Мазепа—(Байронъ, т. I, стр. 108).

Когда меня къ спинѣ коня
Враги, на гибель, привязали,
Какъ мало думали они,
Что будутъ и другіе дни —
И шутка не пройдетъ имъ даромъ,
Что имъ на горе и бѣду,
Благодарить я ихъ приду—
И замокъ истреблю пожаромъ!
Они, признаться, надо мной
Жестоко, горько подшутили...
За то и я сказать могу,
Что не остался имъ въ долгу...
Сложилъ съ души я это бремя!..
Равняетъ всѣхъ сѣдое время,
И—если только выжидать—
Примѣровъ не было отъ вѣка,
Чтобъ кто нибудь могъ избѣжать
Упорной мести человѣка,
Который много, много дней
Лелѣетъ зло въ душѣ своей.

Ту же упорную мстительность, то же умѣнье выжидать удобное время для исполненія давно задуманнаго дѣла мы видимъ и въ Мазепѣ Пушкина:

...Ни единой онъ обиды,
Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ...

И давно онъ горитъ злобою къ Петру и „из-

давна умыселъ ужасный взлелѣялъ тайно злой старикъ въ душѣ своей", давъ себѣ клятву отмстить Царю за то, что тотъ схватилъ его разъ съ угрозой за сѣдые усы. Побуждаемый кромѣ того честолюбіемъ, хитро и осторожно ведетъ онъ опасное дѣло народнаго возстанія въ Малороссіи, пока, наконецъ, не „приспѣло благое время" открыто поднять на Петра „знамя вольности кровавой". Но при всей своей жесткости и эгоизмѣ Мазепа былъ доступенъ и сердечнымъ увлеченіямъ: онъ полюбилъ Марію и „къ ней на колѣни склоняется его гордая глава, и съ ней онъ забываетъ судьбы своей и трудъ и шумъ" и даже „открываетъ ей тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ"; а когда, благодаря этой любви, онъ сталъ въ трагическое положеніе, онъ мучится и терзается совѣстью, „какой-то страшной пустотой", и „томится нездѣшней мукой", когда послѣ казни Кочубея Марія бѣжала изъ его свѣтлицы неизвѣстно куда... Принимая это во вниманіе, мы никакъ не можемъ видѣть въ Мазепѣ Пушкина только „одну низость интригана, состарѣвшагося въ козняхъ" (Бѣлинскій, VIII, 487). Точно также вполнѣ естественнымъ

и понятнымъ намъ кажется и смущенье Мазепы при видѣ Кочубеева хутора и потомъ при видѣ сумасшедшей Маріи, которое Бѣлинскій называлъ „мелодраматической подставкой“. Мазепа Пушкина — довольно полно и вездѣ психологически вѣрно обрисованный характеръ, хотя многое въ немъ только намѣчено, сказано, а не показано, благодаря, можетъ быть, нѣкоторой спѣшности Пушкина, когда онъ писалъ „Полтаву“. Мы должны признать за Мазепой Пушкина сильный умъ, ловкость, твердую волю, ту же пылкость и страстность, съ какими мы знакомимся въ „Мазепѣ“ Байрона, способность цѣнить жертвы, приносимыя ему; онъ доступенъ, наконецъ, упрекамъ совѣсти при всей своей эгоистичности и суровости. Осмѣливаемся утверждать, что если бы Пушкинъ, побуждаемый Шекспиромъ, рѣшился написать на сюжетъ „Полтавы“ драму, его Мазепа грандіозностью своего мрачнаго духа и обстоятельствами своего трагическаго конфликта не уступилъ, быть можетъ, самому мрачному и ужасному герою Шекспира—Ричарду III. Художническій тактъ Пушкина, возмущавшійся изображеніемъ Мазепы,

какъ „стараго труса, изобрѣтающаго утонченные ужасы“, не позволилъ и ему самому въ „Полтавѣ“ изобразить Мазепу односторонне, какъ злодѣя вездѣ и всегда, въ родѣ Димитрія Самозванца Сумарокова; Пушкинъ изобразилъ его злодѣемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкомъ, лицомъ, которому доступны увлеченія и добрыя движенія сердца и, слѣдовательно, можетъ быть, и въ „Полтавѣ“ „подражалъ Шекспиру въ вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ“, какъ онъ подражалъ Шекспиру въ этомъ отношеніи въ „Борисѣ Годуновѣ“.

Съ Карломъ XII въ поэмѣ мы знакомимся главнымъ образомъ изъ отзыва объ немъ раздосадованнаго Мазепы и при появленіи его на полтавскомъ полѣ, когда онъ „предъ синими рядами своихъ воинственныхъ дружинъ явился въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ, страдая раной“, смущенный и взволнованный предстоящимъ боемъ; слѣдовательно, и это историческое лицо изображено по-преимуществу такими чертами, которыя только рельефнѣе выставляютъ личность Петра, который во время полтавскаго боя былъ „могущъ и радостенъ, какъ бой“, былъ весь, какъ Божія гроза, съ

сіяющими глазами съ вдохновеннымъ, звучнымъ голосомъ и быстрыми движеніями...

Изъ второстепенныхъ лицъ поэмы мастерски изображенъ казакъ, влюбленный въ Марію и взявшійся, изъ мести къ Мазепѣ, „доносъ на мощнаго злодѣя предубѣжденному Петру, не робѣя, положить къ ногамъ". Описаніе его поѣздки къ Петру сдѣлалось почти народной пѣсней: „Кто при звѣздахъ и при лунѣ такъ поздно ѣдетъ на конѣ?"... Лицо это, надо замѣтить, вполнѣ вымышлено Пушкинымъ, такъ какъ въ дѣйствительности доносъ былъ отосланъ съ монахомъ Никаноромъ.

Обращаясь отъ характеристикъ лицъ къ описательной части поэмы, мы должны отмѣтить прежде всего классически-прекрасное описаніе „Полтавскаго боя", о которомъ Бѣлинскій говоритъ, что „великій живописецъ могъ бы за „честь себѣ поставить перевести на полотно, „въ живыхъ краскахъ, живые стихи Пушки„на, чтобы рѣшить задачу какъ воспользуется „живопись предметовъ, столь мастерски выра„женнымъ поэзіей. Тутъ задача живописца со„стояла бы уже не въ творчествѣ, а только

„въ творчески-свободномъ переводѣ одного и „того же предмета съ языка поэзіи на языкъ „живописи... тутъ готовы и группы, и подроб„ности, и лицо Петра—эта главнѣйшая задача „всей картины“. Нельзя не замѣтить, что описаніе полтавскаго боя нѣкоторыми своими выраженіями отчасти напоминаетъ описаніе боя Руслана съ печенѣгами въ „Русланѣ и Людмилѣ“:

Бойцы сомкнулись—

говоритъ тамъ Пушкинъ—

полетѣли
На встрѣчу рати удалой,
Сошлись—и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони.
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась;
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣздники помчались;
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ русскій палъ, тамъ печенѣгъ;
Тамъ клики битвы; тамъ побѣгъ;

....И длился бой до темной ночи;
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ.
....Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна сребрилася въ потокѣ,
Сомнительный раждался день
На отуманенномъ востокѣ.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце кіевлянъ;
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
Блистая въ латахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубитъ,
Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ,
Нашъ витязь палъ на басурмана...
... На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ...
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнитъ;

Ликуетъ Кіевъ... (Пѣснь 6-я).

На описаніе украинской ночи мы уже указывали...

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой церковью сіяетъ...

Но нѣтъ мира и покоя въ *человѣкѣ* среди этого покоя природы:

Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ,

готовясь къ смертной казни и пробѣгая мысленнымъ взоромъ свое прошлое... Но не спокоенъ и Мазепа: ....мрачны странныя мечты въ его душѣ:

Звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,

Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Не всегда приноситъ человѣку отдыхъ и покой и ясная, тихая, мирная ночь; подъ покровомъ ночи еще сильнѣе мучится, чѣмъ днемъ, человѣкъ, когда онъ остается наединѣ съ своей совѣстью и ему приходится сводить съ ней тяжелые счеты... Но ночь проходитъ:

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули долы, холмы, нивы,
Вершины рощъ и волны рѣкъ;
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.

Замѣчательна въ „Полтавѣ“ также величаво-спокойная характеристика политическаго состоянія Россіи при Петрѣ:

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.

Но въ искушеньяхъ долг й кары,
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Наконецъ, чисто народнымъ складомъ и тономъ отличается самое начало поэмы:

Богатъ и славенъ Кочубей,
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, не хранимы,
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласовъ, серебра.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами, —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

Чисто народнымъ складомъ звучитъ также слѣдующее сравненіе:

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла заслыша тяжкій летъ:
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

„Полтава“ богата новымъ (сравнительно съ предшествовавшими ей произведеніями) „элементомъ—народностью въ выраженіи“, говоритъ Бѣлинскій; „почти всякое мѣсто, отдѣльно взятое въ ней, превосходитъ все, написанное прежде Пушкинымъ, по силѣ, полнотѣ „и роскоши поэтическаго выраженія. Въ „Полтавѣ“ въ первый разъ стихъ Пушкина „достигъ своего полнаго развитія... Критики „того времени не безъ основанія придирались „къ двумъ или тремъ неправильно усѣченнымъ „прилагательнымъ: *сонну* вмѣсто сонную, тризну *тайну,* вмѣсто тайную; на нѣсколько смѣлыхъ нововведеній, какъ напр. въ стихѣ: „*Онъ, должный быть отцемъ и другомъ*“. Мы „укажемъ еще на нѣсколько погрѣшностей, „какъ напр., на неумѣстные славянизмы: *младой,* „*благостыни, главы,* и въ особенности на два „поражающія своей неточностью выраженія: „первое въ монологѣ Мазепы противъ Кочубея, котораго, Богъ знаетъ почему, онъ называетъ *вольнодумцемъ* и въ разговорѣ Орлика, который совѣтуетъ Кочубею, на допросѣ *питаться мыслію суровой*. Но вотъ и все. „За исключеніемъ этого, стихи въ „Полтавѣ“

„верхъ совершенства“. Но критика времени Пушкина, находившаяся подъ вліяніемъ ложноклассической теоріи о чистотѣ слога, находила въ „Полтавѣ“ и другіе недостатки: какъ, напр. „въ Русланѣ и Людмилѣ“ ею, какъ неприличныя, были осуждены выраженія: *щекотитъ* ноздри копіемъ...

Ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу...

удавлю бородой... завизжала, чихаетъ и т. п., такъ и въ „Полтавѣ“ слова: *усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, Ого, пора,* показались критикамъ низкими, *бурлацкими* выраженіями. „Какъ быть! замѣчаетъ по этому поводу Пушкинъ... Никогда не пожертвую краткостью „выраженія провинціальной чопорности, изъ „боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.“.

Обобщая все сказанное до сихъ поръ, мы, кажется, съ достаточнымъ основаніемъ можемъ притти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Начавъ писать „Полтаву“, Пушкинъ и не предпола-

галъ создать *историческую* или эпическую поэму, т. е. по опредѣленію Бѣлинскаго—„идеализированное представленіе такого историческаго событія, въ которомъ принималъ участіе весь народъ, которое слито съ религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ существованіемъ народа и которое имѣло сильное вліяніе на судьбы народа“, въ родѣ напр. Троянской войны, давшей содержаніе прототипу всѣхъ позднѣйшихъ поэмъ—„Иліадѣ“. Какъ показываютъ замѣтки Пушкина, а также содержаніе 1-й и 2-й пѣсенъ „Полтавы“ онъ хотѣлъ создать такую-же стихотворную повѣсть, каковы его „Кавказкій Плѣнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Цыгане“, каковы поэмы Байрона и другія подобныя произведенія, называющіяся поэмами, только потому, что изображаютъ дѣйствительность отчасти въ идеализированныхъ образахъ, „схватываютъ жизнь въ ея высшихъ моментахъ“ (Бѣлинскій). 2) Но коснувшись по необходимости личности Петра, Пушкинъ уже не могъ ограничиться нѣсколькими словами въ характеристикѣ его и его времени и создалъ 3-ю пѣснь, почти цѣликомъ посвященную возвеличенію этого Государя и кажущуюся,

благодаря своей красотѣ, какъ-бы поэмой въ поэмѣ; но общій характеръ эпохи, состояніе Малороссіи, мотивы измѣны Мазепы, личность Карла XII — все это обрисовано весьма поверхностно, только, такъ сказать, задѣто и не потому, что ко времени созданія Полтавы талантъ Пушкина еще не созрѣлъ, и что онъ не сумѣлъ этого сдѣлать, а просто потому, что это не входило въ планъ Пушкина и не вызывало къ себѣ особенныхъ его симпатій, давшихъ его перу такую силу и мощь, когда оно коснулось образа Петра. 3) Нельзя отрицать, что на созданіе „Полтавы“ оказали вліяніе, хотя незначительное, любимые писатели Пушкина— Байронъ, прежній властный руководитель фантазіи Пушкина,—и Шекспиръ, изученіе котораго смѣнило собой изученіе Байрона, когда Пушкинъ съ юга Россіи переселился въ Михайловское. Вліяніе перваго сказалось на нѣсколькихъ, указанныхъ нами, стихахъ и, отрицательнымъ образомъ, на названіи поэмы; авторитетъ Шекспира, можетъ быть, засвидѣтельствовалъ поэтичность факта, подобнаго любви Маріи, и внушилъ Пушкину стихи о силѣ чувства. Складъ и тонъ народной поэзіи, на

которую Пушкинъ обратилъ серьезное вниманіе со времени пребыванія своего въ Михайловскомъ, тоже довольно замѣтно отразились на изложеніи и языкѣ „Полтавы“. 4) „Полтава“ болѣе, чѣмъ другія поэмы Пушкина, отличается драматизмомъ своего содержанія, что отразилось и на ея формѣ, и 5) если принимать во вниманіе идею эпилога, должна быть признана за вполнѣ цѣльное и законченное произведеніе.

Чтобы имѣть возможность выяснить, насколько Пушкинъ остался вѣренъ исторіи въ своей поэмѣ, считаемъ не лишнимъ предложить для сравненія отрывокъ объ участіи Мазепы въ Сѣверной Войнѣ изъ „Учебной книги Русской Исторіи“ Соловьева, стр. 369—374; что-же касается вопроса о взаимномъ отношеніи исторіи и поэзіи въ поэтическихъ произведеніяхъ съ историческимъ сюжетомъ, то онъ посильно рѣшенъ нами въ книжкѣ „Борисъ Годуновъ“, стр. 6—10.

«Послѣ Богдана Хмѣльницкаго, говоритъ Соловьевъ, «не было ни одного гетмана въ Малороссіи, который-

«бы спокойно кончилъ жизнь свою въ гетманскомъ до «стоинствѣ. Затруднительно было положеніе московскаго «правительства относительно гетмановъ; крайне затруд- «нительно было положеніе самихъ гетмановъ: гетманъ «выбирался или выкрикивался на шумной радѣ толпою «своихъ приверженцевъ, взявшихъ верхъ; но соперники, «враги его, послѣ этого избранія искали всѣхъ средствъ «вредить гетману, избранному противъ ихъ желанія; «чтобъ предохранить себя отъ злобы враговъ, гетманъ «обыкновенно окружалъ себя наемною стражею, состав- «ленною изъ людей всякаго рода, чужеземцевъ, кото- «рые возбуждали противъ себя ненависть Малороссіянъ; «не имѣя возможности дѣйствовать противъ гетмана «насиліемъ, враги старались обнести его въ Москвѣ, «выставить измѣнникомъ предъ царемъ. Гетманъ нахо- «дился между двухъ огней: между требованіями прави- «тельства московскаго, которое хотѣло, чтобы Малорос- «сія участвовала въ общей жизни государства, испол- «няла обязанности одинакія со всѣми другими частями «народонаселенія,—и между требованіями казачества, ко- «торое хотѣло быть какъ можно болѣе независимымъ «отъ государства, исполнять какъ можно менѣе обя- «занностей, имъ налагаемыхъ. Въ такомъ положеніи «былъ и преемникъ Самойловича, Иванъ Степановичъ «Мазепа, старикъ чрезвычайно умный, ловкій, образо- «ванный, пріятный говорунъ въ обществѣ. Петръ очень «любилъ его и вполнѣ ему довѣрялъ, не смотря на то, «что на него былъ цѣлый рядъ доносовъ въ измѣнѣ: «доносы эти, по своей недоказанности, только утвер-

«ждали Петра въ той мысли, что вѣрный ему гетманъ «имѣетъ много враговъ. Дѣйствительно, пока Шведскій «король былъ далеко, странно было бы думать, что «умный Мазепа захочетъ измѣнить Русскому царю. Но «обстоятельства перемѣнились: побѣдоносный Карлъ «приближался къ русскимъ границамъ съ цѣлью заклю«чить миръ въ Москвѣ, и самъ Петръ не считалъ до«стиженія этой цѣли невозможнымъ, ибо послалъ при«казъ укрѣплять Москву. Старый Мазепа не могъ пре«одолѣть искушенія и, полагая невѣроятнымъ, чтобы «Петръ съ своимъ неопытнымъ войскомъ вышелъ по«бѣдителемъ изъ борьбы, завелъ переговоры съ Кар«ломъ и новымъ королемъ Польскимъ, Станиславомъ «Лещинскимъ. Доносъ не замедлилъ: генеральный судья «Кочубей прислалъ монаха въ Москву съ извѣстіемъ, «что гетманъ хочетъ измѣнить, передаться Ляхамъ. «Петръ не обратилъ никакого вниманія на доносъ, въ «которомъ видѣлъ только мщеніе Кочубея за личную «обиду, нанесенную ему Мазепою, ибо Кочубей не умѣлъ «смолчать объ этой обидѣ. Въ началѣ 1708 года Ко«чубей повторилъ доносъ вмѣстѣ съ бывшимъ полтав«скимъ полковникомъ Искрою. Повтореніе доноса, по«добно прежнимъ не подкрѣпленнаго никакими доказа«тельствами, навело Петра на мысль, что измѣняетъ не «Мазепа, но Кочубей съ товарищами, которымъ хочет«ся свергнуть вѣрнаго гетмана, чтобы завести смуту «въ Малороссіи. Кочубей съ Искрою были вызваны въ «Витебскъ, гдѣ подали новый пространный, но дурно «написанный доносъ. Между прочимъ Кочубей доно-

«силъ, что когда Мазепа былъ потревоженъ извѣстіемъ «о скоромъ пріѣздѣ государя, то собралъ вооруженныхъ «людей: конечно, писалъ Кочубей, Мазепа имѣлъ при «этомъ намѣреніе отстрѣливаться отъ государя. Искра «объявилъ, что Мазепа имѣлъ намѣреніе при этомъ «убить государя или выдать непріятелю, и что онъ, «Искра, слышалъ это отъ Кочубея; но Кочубей, на очной «ставкѣ съ Искрою, отрекся, что никогда не говорилъ «ему о намѣреніи гетмана посягнуть на жизнь государя; «Искра ссылался на жену Кочубея, свидѣтельницу раз«говора, Кочубей не признавался. Въ то время, при «такихъ обстоятельствахъ, употреблялась пытка. Искра «на пыткѣ сложилъ всю вину на Кочубея, котораго «обвинилъ въ заговорѣ съ разными лицами для низвер«женія Мазепы; а Кочубей на пыткѣ объявилъ, что «доносилъ на гетмана единственно по злобѣ, не зная «за нимъ никакой измѣны. Дѣло, по тогдашнему, было «рѣшенное; Искра и Кочубей были выданы Мазепѣ, и «въ іюлѣ 1708 г. казнены.

«На этотъ разъ Мазепа избавился отъ бѣды, но по«ложеніе его затруднялось все болѣе и болѣе, потому «что онъ сдѣлалъ изъ себя игрушку обстоятельствъ, «военнаго счастья, былъ слабый между двумя борющи«мися сильными. Изъ боязни передъ побѣдоноснымъ «Карломъ, онъ вошелъ съ нимъ въ сношенія; но въ «то же время не смѣлъ отложиться отъ Петра, ибо «только вступленіе Шведовъ въ Украйну могло спасти «его отъ гнѣва царскаго. Шведскому королю онъ дол«женъ былъ обѣщать помощь казаковъ, а между тѣмъ

«не смѣлъ открыться казакамъ, не смѣлъ тайно подго-
«варивать ихъ на шведскую сторону. Хитрость, при-
«творство оставались для Мазепы единственными сред-
«ствами выпутываться какъ-нибудь изъ затруднитель-
«наго положенія. Чтобы не начальствовать войскомъ и
«нейти туда, куда царь прикажетъ, онъ притворился
«отчаянно больнымъ; но когда Карлъ вступилъ въ
«Украйну, Мазепа выздоровѣлъ, двинулся съ небол-
«шимъ отрядомъ преданнаго ему войска, переправился
«черезъ Десну, 26-го октября объявилъ своему отряду
«объ измѣнѣ, 29-го—соединился съ Карломъ. Получивъ
«извѣстіе объ уходѣ Мазепы, Петръ издалъ манифестъ
«съ извѣщеніемъ, что гетманъ измѣнилъ и заключилъ
«договоръ съ Карломъ и Станиславомъ Лещинскимъ,
«чтобы Малороссію поработить по-прежнему Полякамъ,
«а церкви Божіи и святые монастыри отдать въ унію.
«Но Петръ дѣйствовалъ не одними манифестами: онъ
«двинулъ Меньшикова къ Батурину, и эта столица гет-
«манская была взята приступомъ и раззорена, послѣ
«чего 6-го ноября въ Глуховѣ собралась казацкая рада,
«на которой былъ избранъ въ гетманы Стародубскій
«полковникъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій. 12-го ноября
«въ Глуховѣ малороссійское духовенство, а въ Москов-
«скомъ Успенскомъ соборѣ великороссійское, предало
«Мазепу проклятію, и чучело его было повѣшено пала-
«чемъ. Новый гетманъ Скоропадскій выдалъ универсалъ,
«въ которомъ спрашивалъ Малороссіянъ: «Чего можно
«ожидать намъ, православнымъ христіанамъ, отъ короля
«Шведскаго, чужеземца иновѣрнаго? если бы даже

«онъ и хотѣлъ защищать насъ, то какъ онъ можетъ «это сдѣлать изъ такой дали, изъ-за Балтійскаго моря? «и какъ онъ можетъ быть защитникомъ церквей нашихъ, «будучи ихъ противникомъ?» Это обращеніе къ здра«вому смыслу народа не могло остаться безъ дѣйствія, «и Шведы, вмѣсто ожидаемой помощи, встрѣтили въ «Малороссіи народную войну: крестьяне нападали врас«плохъ на шведскіе отряды, уводили у непріятеля ло«шадей, прятали отъ него съѣстные припасы. Полков«ники Апостолъ и Галаганъ покинули Мазепу и пере«шли къ царю: самъ Мазепа, видя, что обманулся въ «своихъ разсчетахъ, что Карлу трудно будетъ заключить «миръ въ Москвѣ, завелъ сношенія съ Петромъ, обѣ«щая оказать ему важную услугу на счетъ Шведскаго «короля; Петръ принялъ предложеніе и обѣщалъ пол«ное забвеніе прошедшаго; но Мазепа не нашелъ средствъ «оказать ему важной услуги и остался при королѣ.

«Мало получилъ помощи Карлъ отъ союзника своего «Мазепы, а между тѣмъ на помощь къ русскимъ яви«лась могущественая союзница, страшно холодная зима, «такъ что птицы падали на лету; доставалось и рус«скимъ отъ этой союзницы; но Шведы страдали гораздо «больше, потому что не имѣли теплой одежды и обуви, «и къ веснѣ 1709 года у Карла оставалось не болѣе «30,000 войска, которое онъ расположилъ между рѣ«ками Пселомъ и Ворсклою, съ главною квартирою въ «Будищѣ, къ сѣверу отъ Полтавы. Въ концѣ апрѣля, «Карлъ осадилъ Полтаву; безуспѣшная осада длилась «слишкомъ мѣсяцъ; 4-го іюня Петръ пріѣхалъ къ сво-

«ему войску, которое было расположено на лѣвой сторонѣ Ворсклы и отдѣлялось отъ Полтавы непроходимыми болотами. Чтобы спасти городъ, не могшій долѣе «защищаться, Петръ рѣшился напасть на непріятеля и «переправился черезъ Ворсклу; Карлъ 27-го іюня двинулся къ нему на встрѣчу, въ четыре часа утра начался бой и въ 11 часовъ кончился совершеннымъ «пораженіемъ Шведовъ. Карлъ едва успѣлъ избѣжать «плѣна; онъ съ Мазепою и съ небольшимъ числомъ «Шведовъ и запорожцевъ переправился за Днѣпръ и «направилъ путь къ турецкой границѣ, но остальное «шведское войско, подъ начальствомъ Левенгаупта, принуждено было сдаться Меньшикову. Карлъ XII остановился въ Бендерахъ, отдался подъ покровительство «Турціи и началъ стараться, чтобы возбудить эту державу къ войнѣ съ Россіею; Мазепа умеръ чрезъ два «мѣсяца по прибытіи въ Бендеры».

ТЕМЫ И ВОПРОСЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ.

1) Значеніе реформъ Петра Великаго. 2) Причины успѣховъ Петра въ войнахъ со Шведами. 3) Значеніе для Россіи Сѣверной войны. 4) Карлъ XII и Наполеонъ I-й. 5) Характеристика Мазепы. 6) Что значатъ стихи:

Была та *смутная* пора,
Когда Россія *молодая*,
Въ *бореньяхъ* силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра? («Полтава», 1).

7) Историческая сторона поэмы „Полтава“. 8) Пушкинъ, какъ поэтъ историческаго прошлаго Россіи. 9) Пушкинъ, какъ поэтъ современной ему русской дѣйствительности. 10) Какъ отразилось на соч. Пушкина вліяніе Байрона? 11) Драматическій элементъ въ поэмахъ Пушкина. 12) Описанія въ поэмахъ Пушкина. 13) Значеніе лирическаго элемента въ „Полтавѣ“ и вообще въ эпическихъ произведеніяхъ. 14) Эпическій элементъ въ лирическихъ произведеніяхъ. 15) Что такое народная эпопея? 16) Сходство и различіе между эпосомъ и драмой. 17) Поэтическій вымыселъ и условія его вѣроятія. 18) Въ чемъ состоитъ художественная цѣльность поэтическихъ произведеній? 19) Какъ понимать выраженіе Аристотеля: „искусство возникло изъ стремленія къ познанію“? 20) Эстетическія стороны поэзіи. (См. Психологію г. Владиславлева т. I, 474—483). 21) Что значатъ стихи:

... Старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ. («Полтава», I).

22) Повторительные вопросы:

Когда написана „Полтава“? Что говоритъ

самъ Пушкинъ о своемъ произведеніи? Содержаніе „Полтавы“. Образъ Петра по соч. Пушкина. Характеристика Кочубея. Идея „Полтавы“. Драматизмъ содержанія „Полтавы“. Языкъ поэмы.